

ТЕОРИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

С. Ю. Просветов, С. Ф. Самойлов

HISTORICO-PHILOSOPHICAL EXPERIMENT THEORY

S. Yu. Prosvetov, S. F. Samoylov

В статье рассмотрена теория эксперимента применительно к философии в целом и к историко-философскому знанию в частности, а также представлены примеры из историко-философского материала, обосновывающие выдвинутые в работе теоретические положения. Разработанная автором методология историко-философского эксперимента позволяет выявить новые грани в ходе развития философской мысли.

The article considers the experiment theory as applied to philosophy as a whole and to historico-philosophical knowledge in particular. The article presents examples from historico-philosophical material giving proof to the suggested theses. The invented historico-philosophical experiment methodology allows to bring to light new sides in the course of development of philosophical thought.

Ключевые слова: мыслительный эксперимент, познание, историко-философский процесс, мировоззрение, интеллектуальное искусство, философские жанры.

Keywords: thought experiment, cognition, historico-philosophical process, world outlook, intellectual art, philosophical genres.

В современной научно-философской мысли термин «эксперимент» представляет собой многозначное понятие, допускающее достаточно широкий спектр толкований. Наиболее распространенными значениями данного термина следует признать такие определения, как: создание искусственных условий изучения предмета, проверку представления или предсказания, целенаправленное наблюдение, особую разновидность мыслительного и эмпирического опыта, воспроизведение познаваемого объекта. Многообразие и противоречивость определений эксперимента объясняется тем, что данным термином обозначают два противоположных, но вместе с тем дополняющих друг друга процесса. Первый из них направлен на создание специфических условий существования предмета, отличных от его естественной среды, тогда как второй представляет собой фиксацию этого необычного состояния самого предмета. В самом общем виде экспериментом можно назвать усложненный организованный вид наблюдения. Вместе с тем близость эксперимента к наблюдению не должна вводить в заблуждение относительно характера данного методологического приема, поскольку его предметом могут являться не только реальные, но и идеальные объекты. По этой причине принято различать эмпирический и мыслительный эксперимент.

Однако, природа экспериментального метода определяется не столько характером изучаемых им объектов, сколько собственной структурой. По своему замыслу эксперимент, если он осуществляется в рамках подлинно научного познания, предполагает получение определенных теоретических выводов из в той или иной мере чувственно наглядного процесса. Этот перевод языка явлений или событий на язык научных или философских категорий требует наличия ряда предпосылок. Лучше всего эти предпосылки были описаны Ф. В. Лазаревым в коллективном труде «Философия науки»: «Чтобы превратить эксперимент в познавательное средство, необходимы операции, по-

зволяющие перевести логику вещей в логику понятий, материальную зависимость в логическую. Для этого нужно располагать следующим рядом:

- 1) принципами теории и логически выводимыми из них следствиями;
- 2) идеализированной картиной поведения объектов;
- 3) практическим отождествлением (в заданном интервале абстракции) идеализированной модели с некоторой материальной конструкцией.

Существуют два типа экспериментальных задач:

- 1) исследовательский эксперимент, который связан с поиском неизвестных зависимостей между несколькими параметрами объекта,
- 2) проверочный эксперимент, который применяется в случаях, когда требуется подтвердить или опровергнуть те или иные следствия теории» [20, с. 186].

Наличие в структуре и фундаменте эксперимента идеальной составляющей ставит вопрос о применимости данного метода к области познания, в которой идеальное начало традиционно является одним из приоритетных предметов. С другой стороны, сама постановка вопроса о совместимости экспериментальной методологии и философии может быть признана парадоксальной, поскольку философия носит ярко выраженный априорный характер, тогда как наука, к области которой принадлежит эксперимент, принципиально апостериорна. Тем не менее данный вопрос имеет право на существование, так как сама наука возникла из философии, то и истоки экспериментального метода следует искать в ней.

Но прежде чем обратиться к проблеме генезиса эксперимента, необходимо уточнить, какая именно форма данного метода – теоретическая или эмпирическая – возникла в философском знании раньше. Умозрительный характер древней философии в целом и античной в частности позволяет утверждать, что мыслительный эксперимент в историческом отношении

обладает приоритетом перед эмпирическим. Подтверждением данного положения служит тот факт, что обоснование эмпирического эксперимента присутствует только в проекте новой науки Ф. Бэкона [2, с. 299 – 310], тогда как его предпосылки обнаруживаются не ранее его идейного предшественника и однофамильца Р. Бэкона [1, с. 337 – 341]. Наконец, чисто логически мыслительный эксперимент должен предшествовать эмпирическому, поскольку проведение второго предполагает наличие определенной теоретической схемы. Поэтому мыслительный эксперимент следует признать теоретической и исторической предпосылкой реального эксперимента.

Примеры использования мыслительного эксперимента в философском знании можно обнаружить уже у самых истоков его возникновения. Пожалуй, первым случаем применения данного методологического приема следует признать апории Зенона Элейского [21, с. 307 – 313], в которых с помощью воображаемых ситуаций демонстрируется необходимость существования сверхчувственного умпостижаемого бытия. Парадоксы Зенона представляют собой парадигму по отношению к большинству мыслительных экспериментов античной философии. Так, образ пещеры в произведении Платона «Государство» [15, т. 3, с. 295 – 298], где можно видеть лишь тени от реальных предметов, а также иллюстрирующий теорию атомистического строения вселенной, приводимый в поэме Лукреция [12, с. 39] пример затемненной комнаты, где в отдельных лучах света видны мельчайшие пылинки, преследуют ту же цель, что и философские медитации учения Парменида: подготовить обыденное сознание к усвоению элементов теоретического мышления. Средневековая философия также внесла вклад в развитие мыслительного эксперимента, о чем свидетельствуют парадоксы «буриданова осла» [22, с. 275; 5, с. 216; 9, с. 514], вскрывающие проблему детерминизма. В эпоху Нового времени наиболее ярким мыслительным экспериментом следует признать один из исходных метафизических принципов Р. Декарта [7, с. 16 – 28; 8, с. 255 – 256, 268 – 269 и др.] – радикальное сомнение, нацеленное на обнаружение самоочевидной истины. В творчестве Э. Б. Кондильяка [10, с. 189 – 399] таковым экспериментом для эпохи Просвещения является статуя, приобретающая одно за другим человеческие ощущения обоняния, вкуса, зрения, слуха, осязания и возникающие при этом привычки. Но, пожалуй, наибольшее число примеров применения данного методологического приема может предложить философия прошлого столетия. Самыми известными из них являются «выбор яблок по инструкции» позднего Л. Витгенштейна [4, с. 80 – 81], «мозги в бочке» Х. Патнема [14, с. 19 – 37], «завеса неведения» Дж. Ролза [24, р. 58 – 82], «китайская комната» Дж. Р. Сёрля [19, с. 19 – 24; 17, с. 378 – 399; 18, с. 187] и т. д. Поэтому без преувеличения можно сказать, что мыслительный эксперимент становится одной из наиболее популярных форм философствования, применяемой во всех основных направлениях современной философии. Логическим завершением роста популярности данного методологического приема

явилось возникновение в начале XXI века так называемой экспериментальной философии, ставящей перед собой задачу создания альтернативного «некабинетного» варианта решения философских проблем, в основании которого лежат представления простых людей.

Если попытаться дать общую характеристику применения мыслительного эксперимента в философии, то можно сказать, что он имеет своей конечной целью раскрытие сущности исследуемого предмета (бытия, сознания, языка, социального поведения, познавательной деятельности и т. д.), которая сокрыта от непосредственного чувственного восприятия. Данная задача вполне согласуется с общей целью философского знания, которая заключается в осмыслении мира и положения человека в нем. Главным средством реализации поставленной задачи со стороны мыслительного эксперимента служит создание воображаемой ситуации, которая является свидетельством того, что мыслительный эксперимент в философии направлен на постижение предельных, доопытных структур нашего сознания. Вместе с тем воображаемая ситуация не является самоцелью, она призвана раскрыть определенную философскую интуицию, позволяющую увидеть мир через призму определенной концептуальной схемы. Так, мыслительные эксперименты Зенона и Платона нацелены на восприятие мира в свете гипостазированного идеального начала, живая статуя в «Трактате об ощущениях» Кондильяка демонстрирует процесс формирования абстрактного мышления из ощущений, воображаемые ситуации, описанные в трудах Л. Витгенштейна, рисуют функциональный образ социального мира, который принципиально лишен смысла и живет по правилам языковых игр. Таким образом, мыслительный эксперимент является забавным парадоксом, курьезом только при условии его вырывания из контекста конкретного философского учения, системы, концепции. И напротив, его включенность в определенный контекст придает философскому сознанию способность менять обыденный образ мира, находить его новые грани и одновременно углублять самосознание человека.

Еще большей ценностью, нежели мировоззренческая функция, обладает чисто познавательная значимость мыслительного эксперимента. К числу первостепенных задач, стоящих перед применением данного метода в философском познании, следует признать доказательство от противного, подтверждение разделяемой концепции, создание новой концепции, а также одновременное опровержение одной и подтверждение другой концепции. Практические последствия применения мыслительного эксперимента в философии весьма разнообразны, но в целом они связаны с разрушением установившегося понимания исследуемого предмета. Помимо отрицательного существует и целый ряд положительных последствий применения данного метода в философском познании. К нему принадлежат перенесение или экстраполирование доказанного положения на другие области познания, прогнозирование будущего, предотвращение негативных последствий и исправление ошибок,

допущенных философской мыслью ранее. Среди положительных моментов использования мыслительного эксперимента следует назвать и его способность объяснять прошлое, которая делает возможным его применение в историческом познании в целом и в историко-философской науке в частности. Но прежде чем говорить об особенностях применения данного метода в историко-философском исследовании, необходимо обратить внимание на одну из его характерных черт, которая существенным образом отличает мыслительный эксперимент от всех других методов научного познания и сближает его с сущностью философского отношения к миру.

Речь идет о творческом аспекте мыслительного эксперимента, который проявляется в том, что данный метод не только отражает исследуемый предмет, но и существенным образом изменяет его. В этом смысле как мыслительный, так и эмпирический виды эксперимента следует признать формой практики в самом широком значении этого термина. В свою очередь, практичность несколько отдаляет эксперимент от других научных методов, поскольку они нацелены на постижение того, что есть, а не того, что должно или может быть. В этом отношении эксперимент тяготеет к собственно творческим областям человеческой духовности: к технике, искусству и философии. Раскрывая творческую природу эксперимента, болгарский философ науки Г. Гиргинов в работе «Наука и творчество» пишет: «Как форма практики, «предметной» деятельности, научный эксперимент может выступать как такое воплощение знаний, которое будет способствовать не только познанию данного явления, но и его целесообразному изменению. А это является формой научного творчества и его задачей. Весьма существенна для правильной организации и проведения научного эксперимента предварительная разработка научной системы учета изменений в объекте эксперимента под воздействием самой экспериментальной обстановки... Творчество ученого заключается в его умении получить от эксперимента то, что он может ему дать, и не ожидать от него невозможно, то есть соотносываться с реальными гносеологическими возможностями научного эксперимента» [6, с. 215 – 216].

Отсутствие предзаданности предмета философского знания, его принципиальная умпостигаемость и конструктивность открывают перед творческим аспектом мыслительного эксперимента гораздо большие перспективы, нежели предоставляет ему научное познание. Различие между научным и философским экспериментом заключается в зависимости первого от чувственного опыта. Однако это не означает, что философский эксперимент есть чистое творчество, поскольку наличие реального предмета является важнейшей предпосылкой философии как формы познавательной деятельности. Поэтому мыслительный эксперимент в философии также зависит от предметности, но последняя имеет идеальную природу и открывается не чувственному познанию, а интеллектуальной интуиции. В связи с этим возникает вопрос об общеобязательности выводов, получаемых фило-

софским экспериментом в целом и историко-философским экспериментом в частности. Данная проблема решается путем апелляции мыслительного эксперимента не к объекту, а к общечеловеческим структурам сознания. Таким образом, главным в философском эксперименте является логическая убедительность получаемых выводов.

Творческий характер философского эксперимента сближает его с искусством и делает возможной эстетическую интерпретацию философского знания. Само появление данной интерпретации независимо от ее оценок в теоретико- и историко-философской мысли представляется логически необходимым, поскольку философия, будучи осмысляющей деятельностью, с одной стороны, сама выбирает свой предмет, а с другой – во многом определена им. В историко-культурном срезе эта зависимость от предметности выглядит следующим образом. В эпоху античности философия была нацелена на осмысление и обоснование мифа, в эпоху средневековья – на оправдание религии, в Новое время – на обнаружение предпосылок и целей научного знания. В противоположность этому эстетическая интерпретация философии не охватывает какой-либо целостной эпохи, но обнаруживается в творчестве мыслителей различных эпох. Предлагая набросок основных проявлений эстетической интерпретации философии, Б. В. Яковенко, в целом негативно оценивавший ее роль в развитии философской мысли, отмечает: «...философия никогда не переживала чисто эстетической эпохи, никогда не знала действительно порабощения своей сферы интересам искусства. Из этого не следует, однако, того, что среди бесконечно многообразных явлений философской мысли нет таких, которые несут на себе отпечаток господства эстетических идей. Эстетизм в философии совсем не редок. Его можно встретить на протяжении всей истории философии. Только его проявления почти всегда индивидуальны, единичны, отрывочны, почти никогда не носят массового характера, не получают эпохального значения... Лучшими примерами в этом отношении могут служить: система Плотина, концепции немецких романтиков, особенно Шеллинга... философское миропонимание Эмерсона. Относительно романтизма можно даже сказать, что эстетизм имел в лице его недолговременную философскую эпоху. Ныне ярким выражением чистого эстетизма служит философская система Бенедетто Кроче... От упреков в эстетизме не могут уберечься и воззрения Канта, венчающего сферы теоретической и практической философии объединяющей их сферой эстетики и тем как бы подчеркивающего философское превосходство Прекрасного над Бытием и Справедливостью» [23, с. 115].

Итак, интерпретация философии в целом в качестве особого рода искусства является вполне устоявшимся, хотя и достаточно редким подходом к пониманию сущности данной интеллектуальной деятельности. В этом отношении мыслительный эксперимент, нацеленный на рассмотрение истории философии через призму данной интерпретации, представляется допустимым и даже необходимым. Прежде

чем перейти к анализу понятия философского жанра, в котором эстетическая сторона философствования получила непосредственное выражение, необходимо коснуться проблемы допустимости мыслительного эксперимента в истории философии.

Если мыслительный эксперимент в теоретической философии стал обычным делом, то в области истории философии все обстоит значительно сложнее. Использование непривычных установок и умозрительных схем при анализе историко-философского материала может вызвать волну возмущения как со стороны профессиональных исследователей, так и со стороны читателей. Недопустимость подобных операций в области истории философии объясняется двумя обстоятельствами:

– во-первых, мыслительный эксперимент противоречит канонам исторической науки, требующим от исследователя отражения фактов такими, какими они представляли в прошлом,

– во-вторых, он противоречит требованиям морали.

Первое возражение основано на сугубо исторической или эмпирической интерпретации историко-философской науки. Такой подход не учитывает того обстоятельства, что *в задачу философии входит* не только отражение фактов, но и *формулирование конкретных идей*. Например, историко-философское исследование часто выступает либо предварительной, либо, напротив, завершающей стадией философствования. В этом случае оно играет роль обнаружения и обоснования той или иной идеи. Таким образом, помимо эмпирических, историко-философское исследование преследует и теоретические цели, поэтому экспериментирование с историческим материалом, его изложение через призму определенных принципов, систем или концептов является не только допустимым, но и необходимым. Без мыслительного эксперимента историко-философское исследование не сможет предложить эмпирическому познанию гипотезы, методологические установки и программы, вне которых оно никогда не осуществляется.

Другим основанием для отрицания мыслительного эксперимента является проблема нравственной допустимости теоретического конструирования по отношению к мыслителям прошлого. Возникает вопрос: будет ли моральным представлять идеи классиков философской мысли в совершенно ином виде, нежели они представлялись им самим. На этот вопрос следует ответить утвердительно, поскольку главным для историка философии следует признать выявление скрытых закономерностей в развитии творчества конкретного философа или истории философской мысли в целом. Кроме того, личные представления мыслителя о характере своих идей часто не совпадают с тем местом, которое они впоследствии занимают в истории. Историко-философский эксперимент как раз и направлен на обнаружение такого места.

Если же говорить о нравственной допустимости проведения историко-философского эксперимента относительно творчества Платона, то здесь ответ тоже будет утвердительным, поскольку сам Платон должен

быть признан первым, кто осуществил подобного рода опыт. Так, изображение Сократа в платоновских произведениях далеко от оригинала, при этом не следует списывать идеализацию образа афинского мыслителя на художественный характер диалогов. Платон прекрасно понимал, что читатели будут воспринимать его литературный персонаж в качестве исторического лица. Более того, автор рассчитывал именно на это, но заподозрить его в простом обмане было бы несправедливо. Действительно, целью Платона является научить читателя воспринимать идеальное, призвать его к добродетельной жизни и общественному поведению, и для этого он использует события недавнего прошлого, обладающие исторической и нравственной значимостью. Таким образом, платоновский Сократ – это результат проведения историко-философского эксперимента с целью решения теоретических и практических задач.

Теперь, когда применение мыслительного эксперимента в историко-философском исследовании можно считать обоснованным и с моральной стороны оправданным, необходимо более подробно рассмотреть понятие философского жанра.

Понятие «философские жанры» вне историко-философского конструирования выглядит как нонсенс. И действительно существуют формы построения речи – проза, поэзия, диалог и т. д., которые безразличны к своему содержанию. Последнее может быть философским, научным, религиозным, художественным, сам же жанр от этого философским, научным или религиозным не становится.

В противоположность этому в рамках историко-философского конструирования понятие философского жанра имеет право на существование. В первую очередь, это связано с *речевым характером греческой культуры*. Для греков речь обладала явным приоритетом над письмом. Поэтому первоначально философское мышление облекалось в различные речевые формы: поучения, лекции, диспута, диалектической игры, поэтической декламации. Следствием речевого характера античной культуры явилось возникновение таких экзотических с современной точки зрения литературных форм, как философский эпос и философский диалог.

В своих лекциях «Античный философский эпос» З. А. Покровская дает следующее объяснение данному феномену: «Что это за вид поэзии философский эпос, причуда древних или закономерное явление античности? Как мы должны расценить этот необычный с современной точки зрения жанр? Постараемся разобраться во всем этом.

Человеку нового времени представляется само собой разумеющимся фактом, что философские истины излагаются строгим прозаическим языком, а между тем в древности все обстояло иначе: сама философия мыслила образами и эти образные мысли передавались в стихотворной форме. Если мы обратимся мысленным взором к рубежу VII – VI вв. ..., то увидим удивительную для нас картину: почти все стороны духовной жизни общества находили выражение не в прозе, а в поэзии. Дело в том, что вся античная куль-

тура была ориентирована на устное восприятие, что обеспечивало ей широкое распространение в обществе; в последнее время ученые античники все больше приходят к этой мысли» [16, с. 3].

Под «учеными античниками» З. А. Покровская имеет ввиду таких специалистов, как М. Л. Гаспаров и С. Л. Утченко, считаем необходимым добавить к ним М. М. Бахтина, Ф. Ф. Зелинского и В. Минто. В частности последний, разясняя происхождение диалектического метода, говорит об игре в вопросы и ответы как непосредственной причине его возникновения [13, 7 – 8]. То же можно сказать и о философском диалоге, который первоначально представлял собой воспоминания учеников Сократа о беседах своего учителя. И наконец, философская проза, которую в силу скудности литературного материала традиционно обозначают именно так, без сомнения возникла как запись устной традиции философских школ.

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что, во-первых, в рамках историко-философского моделирования термин «философские жанры» является допустимым, а во-вторых – он играет роль связующего звена между речевыми жанрами и литературными формами.

Творчество Платона представляет собой яркую иллюстрацию перетекания речевых жанров в литературные, которое осуществляется в процессе поиска ответа на важнейшие теоретические и мировоззренческие вопросы. Наиболее ярко взаимодействие речевых и литературных средств выражения с философским содержанием отразила в своей статье Т. В. Васильева: «Платон – мастер, расчетливый мастер, вырабатывающий новые приемы словесного искусства, отвечающие его концепции мира истины и мира мнения, правдивого и неправдивого искусства, воспитания, вдохновения, иронии и энтузиазма. Заключительный эпизод «Федра», который в тюбингенской интерпретации свидетельствует об отказе Платона от письменного выражения своей философии, на самом деле лишь фиксирует трудности, с которыми сталкивается философское умозрение при попытке дать словесное выражение тому, что уже за пределами языка; требуется незаурядное диалектическое искусство, чтобы умелым ведением беседы через вопросы и ответы максимально оградить высказываемую мысль от превратного или недостаточного понимания; в этом письменный текст должен сколь это возможно следовать устному диалогу: вопросы и ответы, притчи и аналогии, имитация живых характеров, воспроизведение чужих недоумений и возражений, – все это не прикрасы, не терапевтический прием подслащивания горького лекарства, как это предлагал Лукреций, это реальный платоновский «органон», средства адекватного выражения мысли, способы быть адекватно понятым» [3, с. 415].

Из вышеприведенного фрагмента следует, что до своей письменной фиксации, т. е. до своего превращения в литературные формы речевые жанры представляли собой вполне сложившееся средство установления и доказательства истины. Тем самым философские жанры в отличие от собственно литера-

турных жанров имели своей изначальной целью достижение некоей умозрительной очевидности. Но если литературные формы фиксации философского содержания напрямую зависели от речевых, то речевые жанры, в свою очередь, были связаны с различными религиозными практиками. Но прежде чем вскрыть религиозные основания философских жанров, необходимо подчеркнуть их моделируемый характер.

В своей полемике с тартускими структуралистами А. Ф. Лосев, раскрывая различные способы понимания моделирующего характера художественного произведения, отмечал: «Ввиду огромного семантического разноречия термин «модель» действительно может употребляться каждым исследователем так, как ему захочется. Однако мы, по крайней мере, должны пытаться вводить здесь по возможности ясность здравого смысла. Представляется, что если действительность является моделью для художественного произведения, а художественное произведение есть та или иная, пусть даже самая совершенная ее копия, то назвать художественное произведение и вообще какую бы то ни было систему знаков чем-то моделирующим уже никак нельзя. Если что-то и является здесь моделирующим, то это только сама отраженная в искусстве действительность; искусство, поскольку оно ее отражает, не может быть моделирующим, а только моделируемым. Точно также и система знаков того или иного предмета тоже никак не может быть моделирующей, а только моделируемой; если что здесь и моделирует, т. е. является моделирующим, то это только сам предмет искусства, сама действительность, так или иначе отраженная в искусстве или в системе знаков...

Если произведение искусства всерьез само себя моделирует и является моделирующим, отпадает всякая нужда в исследовании того, моделью чего же, собственно, является искусство. Если ни о какой модели художественного произведения вне художественного произведения нет речи, а подлинной моделью для него является оно само, то это значит, что никакой действительности как образца не требуется, в частности, не требуется для анализа и понимания художественного произведения. Нам предлагают само же художественное произведение рассматривать в качестве той подлинной и, по-видимому, вполне самодовлеющей действительности, на которую ориентируется художник и которую изучает теоретик и историк как литературы, так и всякого другого искусства... Или действительность всерьез и на самом деле является тем, что отражено в искусстве, т. е. является для него подлинным или, по крайней мере, последним образцом, – тогда нельзя говорить о моделирующих функциях искусства, а только о моделируемых, отражаемых, изображаемых, выражаемых, подражательных. Или искусство само моделирует действительность, и мы получаем возможность говорить о моделирующих системах знаков, но тогда действительность вне творческой действительности искусства нас несколько не интересует, а единственной изучаемой нами действительностью оказывается художественное творчество,

т. е. мы впадаем в объятия безвыходного формализма и субъективизма» [11, с. 221 – 223].

Проблема моделирования в искусстве, раскрытая Лосевым в своей сущности, в рамках предлагаемой статьи решается не в общетеоретическом, а в сугубо историко-философском срезе. Возникнув из недр религиозно-мифологического сознания, философские жанры представляли собой средство самостоятельного постижения человеком мира и смысла своего существования в нем. Если раньше ответы на эти вопросы содержались в мифах и религиозных ритуалах, то теперь они должны быть обнаружены с помощью собственного разума, который, в свою очередь, открывал путь к постижению индивидом умозрительной реальности. Само понятие умозрительной реальности, к которому следует отнести, помимо учения об идеях, платоновские мифы о загробном мире, а также пифагорейскую концепцию числа, натурфилософские представления о первоэлементах и т. д., было напрямую связано с мифологическим разделением действительности на мир мертвых и мир живых. Поэтому философские, также как и культовые практики – пророчество, гадание, толкование предсказаний, – пытались изобразить сверхчувственный мир. Но если в религии и мифе таким образцовым, моделирующим миром является духовная, спиритуальная реальность, то в философии в этой роли выступило интеллигибельное пространство.

Если признать философию интеллектуальным искусством, то следует перенести вышеприведенное лосевское понимание художественного творчества как моделирования действительности на характер греческого философствования. Вместе с тем это не означает признания подчиненного содержанию положения художественных средств в греческой философии и зависимости самой философии только от логики развития теоретического мышления. Напротив, мышление здесь не рассматривается в качестве обладающего способностью порождать действительность, это произойдет значительно позже, в эпоху Нового времени.

В греческой же культуре мышление отражает, моделирует, изображает действительность, которая

носит умозрительный характер, обладает изначальной эстетической значимостью (замысел космоса совершенен) и фиксируется с помощью символических средств, тяготеющих к изживанию образности (замена символов категориями у Платона) и к постепенной формализации (диалектика единого и многого в «Пармениде» [15, т. 2, с. 358 – 412], математизированное естествознание в «Тимее» [15, т. 3, с. 457 – 466 и др.]). Поэтому развитие античной мысли в доаристотелевскую эпоху – это подбор адекватных средств отражения реальности, служащей образцом для всех форм искусства и культуры. Отсюда следует, что в качестве подлинного субъекта развития греческой философии нужно признать не ту или иную идею, а философские жанры как художественно-интеллектуальные формы выражения действительности.

Завершая краткое методологическое обоснование возможности применения историко-философского эксперимента к античной мысли, нельзя не коснуться вопроса о причинах слитности теоретического и эстетического моментов в греческой философии. На наш взгляд, она объясняется связью философского мышления с мифологическим сознанием. Самоочевидность сверхъестественного с развитием теоретического знания начинала постепенно исчезать, что потребовало замены прежних неотрефлексированных религиозных представлений новыми религиозно-философскими взглядами, которые могли бы выдержать проверку со стороны критического мышления.

Итак, на основе рассмотренного материала мы приходим к следующим выводам. Во-первых, мыслительные эксперименты проводились на протяжении практически всего существования истории философии: от первых натурфилософских школ античности до современности. Во-вторых, целью мыслительных экспериментов являлось решение как мировоззренческих, так и познавательных задач. И в-третьих, проведение данных экспериментов позволяет признать философию интеллектуальным искусством, познающим сущность явлений окружающей человека действительности.

Литература

1. Бэкон, Р. Об опытной науке / Р. Бэкон // Избранное. – М.: Издательство Францисканцев, 2005. – Т. IV. – (Францисканское наследие).
2. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Сочинения: в 2 т. / сост., общая ред. и вст. статья А. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1. – (Философское наследие).
3. Васильева, Т. В. Платоновский вопрос сегодня и завтра / Т. В. Васильева // Поэтика античной философии / Т. В. Васильева. – М.: Академический Проект: Трикта, 2008. – (Философские технологии: история философии).
4. Витгенштейн, Л. Философские исследования (1953) / Л. Витгенштейн // Философские работы: в 2 ч. Ч. I / Л. Витгенштейн; сост., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой; [пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева]. – М.: Гнозис, 1994. – (Феноменология. Герменевтика. Философия языка).
5. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. Кн. 3 / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1994. – 583 с. – (Слово о сущем).
6. Гиргинов, Г. Наука и творчество / Г. Гиргинов; пер. с болгарского О. И. Попова.; послесл. чл.-кор. АН СССР А. Г. Спиркина. – М.: Прогресс, 1979. – 367 с. – (Общественные науки за рубежом. Философия и социология).

7. Декарт, Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т.: [пер. с лат. и фр.] / сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – (Философское наследие).
8. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т.: [пер. с лат. и франц.] / сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1 – (Философское наследие).
9. Жильсон, Э. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века: [пер. с фр.] / Э. Жильсон; общ. ред., послесл. и примеч. С. С. Неретиной. – М.: Республика, 2004. – 678 с.
10. Кондильяк, Э. Б. Трактат об ощущениях / Э. Б. Кондильяк // Сочинения: в 3 т.: [пер. с франц.] / общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. – М.: Мысль, 1982. – Т. 2. – (Философское наследие).
11. Лосев, А. Ф. Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа / А. Ф. Лосев // Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1982.
12. Лукреций, Кар. О природе вещей / Кар Лукреций; [пер. с лат. размером подлинника И. Рачинский]. – М.: Скорпион, МСМIV. – 232 с.
13. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – Минск: Харвест, 2002. – 352 с.
14. Патнем, Х. Разум, истина и история / Х. Патнем; пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. – М.: Практис, 2002. – 296 с.
15. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон; [пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи и др.]. – М.: Мысль, 1990 – 1994. – Т. 4 – (Философское наследие).
16. Покровская, З. А. Античный философский эпос: лекции по спецкурсу / З. А. Покровская. – М.: МГУ, 1979. – 96 с.
17. Сёрл, Д. Сознание, мозг и программы / Д. Сёрл // Аналитическая философия: становление и развитие (антология): [пер. с англ., нем.] / общ. ред. и составл. А. Ф. Грязнова. – М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс-Традиция, 1998.
18. Серл, Д. Открывая сознание заново / Д. Серл; пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
19. Сёрль, Д. Сознание, мозг и наука / Д. Сёрль // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 4.
20. Философия науки: учеб. пособ. для вузов / под ред. С. А. Лебедева. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2007. – 731 с.
21. Фрагменты ранних греческих философов: в 3 ч. / изд. подгот. А. В. Лебедев; отв. ред. и авт. вступ. ст. И. Д. Рожанский. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – 576 с. – (Памятники философской мысли).
22. Штёкль, А. История средневековой философии: пер. с нем / А. Штёкль– СПб.: Алетейя, 1996. – 320 с. – Репринтное издание.
23. Яковенко, Б. В. Что такое философия? (Введение в трансцендентализм) / Б. В. Яковенко // Мошь философии. – СПб.: Наука, 2000.
24. Rawls, J. Distributive Justice / J. Rawls // Philosophy, Politics and Society / Laslett P., Runciman W. G. (eds.). – Third Series. – L.; N.Y., 1967.

Информация об авторах:

Просветов Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, 8 (928) 4402635, Prosvetov-philos@mail.ru.

Sergey Yu. Prosvetov – Candidate of Philosophy, Assistant professor at the department of Philosophy, Kuban State University.

Самойлов Сергей Федорович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 8(918)366-00-10, samojlov75@mail.ru.

Sergey F. Samoylov – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.